

Головченко И. Ф.

Пятигорский государственный университет

ФИЛОСОФИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Н. С. ГУМИЛЕВА И СВОЕОБРАЗИЕ ЕЕ МОТИВНО-ЖАНРОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ

Комплекс мотивов, связанных с путешествием, является центральной точкой притяжения в творчестве Н. С. Гумилева. В данной статье рассмотрена философия путешествия, очень важная для корпуса текстов «отца акмеизма». При этом уделяется внимание образу-символу вещи, привезенной из путешествия, значимому для «географических» произведений Н. С. Гумилева.

Ключевые слова: философия путешествия, мотивы, образы, символы, жанровая модель.

Важность мотива пути, перехода, движения в лирических, прозаических и драматических произведениях поэта подчеркивается в исследованиях Л. Г. Кихней¹, Ю. В. Зобнина², Е. Ю. Раскиной³, А. А. Кулагиной⁴, Е. В. Меркель⁵, Е. Г. Раздьяконовой⁶, Е. Ю. Кармаловой⁷, О. В. Панкратовой⁸, П. В. Паздникова⁹. В работах этих авторов отмечается, что путешествие – центральная тема для понимания лирического героя стихотворений Н. С. Гумилева: «лирический герой Гумилева – пассионарий, открыватель новых земель, новых горизонтов. Его путешествие также отличается устремлением за границы возможного»¹⁰. При этом речь не всегда идет о физическом путешествии в ту или иную страну, в передвижениях героя гораздо важнее мистическое, духовное

измерение: по терминологии Е. Ю. Раскиной, география перерастает в геософию – описание сакральных географических объектов, благодатных и «безблагодатных»¹¹.

Е. В. Меркель отмечает, что в реальных и воображаемых путешествиях на страницах поэтических сборников Н. С. Гумилева объективируются его психологические переживания, что связано с овеществлением и специализацией психологической сферы переживаний лирического героя, характерной для акмеизма в целом¹².

Ю. В. Зобнин видит в теме путешествий, прежде всего, бегство от цивилизации – вектор главных путешествий Гумилева предполагал движение «от культуры», это «символический акт капитуляции человеческой воли перед «телесной усталостью». Собственно «человеческое» существование, предполагающее диктат «ума», контролирующего стихийно возникающие желания «плоти», в какой-то момент оказывается невыносимо-тяжелым бременем – и происходит стремительное «падение» (воображаемое или действительное) в «простоту» первобытного зверства, которое оказывается возможным лишь в дальних диких джунглях удаленных от христианской Европы стран»¹³.

Е. Ю. Кармалова и Е. В. Меркель отмечают духовную природу путешествий Н. С. Гумилева, проявляющуюся начиная с самых ранних произведений о путешествиях: еще до того, как поэт предпринял реальные путешествия, его увлекали образы капитанов, конкистадоров, образ корабля-скитальца Летучего Голландца¹⁴.

¹ Кихней Л.Г. Акмеизм. Миропонимание и поэтика. – М.: Макс пресс, 2001.

² Зобнин Ю.В. Николай Гумилев – поэт православия // Электронный ресурс: <https://gumilev.ru/about/57/>

³ Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева. – Автореферат дисс. ... д.ф.н. – М., 2008.

⁴ Кулагина А.А. Жизнетворческая концепция и принципы создания образа в лирике и драматургии Н.С. Гумилева. – Дисс. ... к.ф.н. – М., 2012.

⁵ Меркель Е.В. Миромоделирующие образы и мотивы в поэтике акмеизма: Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам. – М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2015.

⁶ Раздьяконова Е.Г. Романтический конфликт и его трансформация в творчестве Н.С. Гумилева. – Дисс. ... к.ф.н. – Нерюнгри, 2013.

⁷ Кармалова Е.Ю. Неоромантические тенденции в лирике Н.С. Гумилева 1900 – 1910 гг. – Дисс. ... к.ф.н. – Омск, 1999.

⁸ Панкратова О.В. Эволюция образов-символов в поэтическом наследии Н.С.Гумилева // Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1997.

⁹ Паздников П.В. Мифопоэтическая концепция слова и творчества в поэзии Н. Гумилева. – Автореферат дисс. ... к.ф.н. – Владивосток, 2003.

¹⁰ Раздьяконова Е.Г. Романтический конфликт и его трансформация в творчестве Н.С. Гумилева. – Дисс. ... к.ф.н. – Нерюнгри, 2013. – С. 47.

¹¹ Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева. – Автореферат дисс. ... д.ф.н. – М., 2008. – С. 2.

¹² Меркель Е.В. Миромоделирующие образы и мотивы в поэтике акмеизма: Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам. – М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2015. – С. 36.

¹³ Зобнин Ю.В. Николай Гумилев – поэт православия // Электронный ресурс: <https://gumilev.ru/about/57/>

¹⁴ Кармалова Е.Ю. Неоромантические тенденции в лирике Н.С. Гумилева 1900 – 1910 гг. – Дисс. ... к.ф.н. – Омск, 1999. – С. 111.

Путешествие – не только передвижение в пространстве, но и символическое странствие, пересечение границы между мирами. По мысли Е. В. Меркель, странствия лирического героя следует прочитывать как бинарное противопоставление двух миров и постоянное пересечение границы между ними¹⁵.

При этом путешествия в творчестве Н. С. Гумилева близки романтическому пониманию отъезда в экзотические страны как попытке убежать от окружающей действительности. А. А. Кулагина отмечает близость путешествий Гумилева к романтическому бегству от реальности¹⁶. О романтической сущности «бегства» поэта пишет и Ю. В. Зобнин¹⁷. Е. Г. Раздьяконова отмечает, что Н. С. Гумилев противопоставляет «здесь» и «там», что характерно для романтического мироощущения¹⁸.

Однако в странствиях Гумилева и его стихах о путешествиях отражается не только романтический эскапизм: «Путешествие в гумилевской сакральной географии сродни открытию, художественному постижению, «называнию» историко-культурного и религиозного центра-локуса. Путешествие в поэзии Н. С. Гумилева – реализация «божественного движенья», в котором «живым становится, кто жил» (поэма «Открытие Америки»). <...> Гумилевская сакральная география актуализирует основные религиозные и историко-культурные центры-локусы мировой истории, предлагает читателю уникальное путешествие по временам и культурам, в котором тема России занимает едва ли не главное место»¹⁹.

Путешествие – не только и не столько бегство от окружающей повседневности. С точки зрения типологической принадлежности путешествия Н. С. Гумилева – это добровольные *путешествия-открытия* и *путешествия-поиск*, вектор движения в которых – *от дома к природе*. В первую очередь, специфику путешествий у Гумилева определяет именно поиск. Речь идет как о поиске какого-либо объекта, так и духовном поиске – открытии себя. А. А. Ахматова неоднократно упо-

минала, что в странствиях по Африке Н. С. Гумилев хотел найти некую «золотую дверь»: «Сколько раз он говорил мне, – вспоминала Ахматова, – о той «золотой двери», которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 (году), признался, что «золотой двери» нет. Это было страшным ударом для него (см. «Пятистопные ямбы»)»²⁰). Путешествие для поэта было созвучно поискам Святого Грааля («золотой двери») – того объекта, который наполнит смыслом все скитания и лишения, пережитые в путешествии.

Лирический герой многих стихотворений Н. С. Гумилева – путешественник, странник, поэт, что отмечается различными исследователями творчества поэта: «в каких бы образах ни выступали эти герои, их всегда характеризует одна черта – активное передвижение во времени и пространстве, они всегда деятельны и энергичны. Возможно, это связано с жизненной позицией самого поэта»²¹.

Первый сборник произведений Гумилева открывается стихотворением, в котором авторская маска сразу же задает образ путешественника, конквистадора. Тема пути, движения, бесконечного путешествия возникает в первых же строках:

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду²².

Как указывает Е. В. Меркель, «структурно значимой характеристикой гумилевского пространства оказывается его «динамичность». И именно мотив пути является важнейшим, нередко – сюжетобразующим в ранних гумилевских стихотворениях. Хрестоматийным примером здесь может быть названо первое стихотворение сборника «Путь конквистадоров», где представлена раннеакмеистическая концепция пути, связанная с поступательным преодолением «символистского кода». Здесь в нескольких поэтических формулах дается не только наличное бытие, а не потусторонние неясные миры, но и указывается на его причастность к сфере живого, радостного, здорового»²³.

¹⁵ Там же. – С. 159.

¹⁶ Кулагина А.А. Жизнетворческая концепция и принципы создания образа в лирике и драматургии Н.С. Гумилева. – Дисс. ... к.ф.н. – М., 2012. – С. 9.

¹⁷ Зобнин Ю.В. Николай Гумилев – поэт православия // Электронный ресурс: <https://gumilev.ru/about/57/>

¹⁸ Раздьяконова Е.Г. Романтический конфликт и его трансформация в творчестве Н.С. Гумилева. – Дисс. ... к.ф.н. – Нерюнгри, 2013. – С.6.

¹⁹ Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева. – Автореферат дисс. ... д.ф.н. – М., 2008. – С. 40.

²⁰ «Самый непрочитанный поэт»: Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилёве. Вступит, заметка, сост. и примеч. В. А. Черных. – «Новый мир», 1990, № 5. – С. 219.

²¹ Кулагина А.А. Жизнетворческая концепция и принципы создания образа в лирике и драматургии Н.С. Гумилева. – Дисс. ... к.ф.н. – М., 2012. – С. 82.

²² Гумилев Н.С. Забытая книга. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 34.

²³ Меркель Е.В. Миромоделирующие образы и мотивы в поэтике акмеизма: Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам. – М.:

Путешественник становится основным лирическим героем Н. С. Гумилева. О.В. Панкратова²⁴ выделяет, прежде всего, образ странника, встречающийся во всех сборниках поэта, но в разных ипостасях. В сборнике «Путь конкистадоров» – это образ странствующего рыцаря, завоевателя экзотических земель. В «Романтических цветах» – это скиталец, основная цель которого неведомая красота. В «Жемчугах» в образе странника предстает Капитан, жаждущий открывать новые земли и покорять мир. В сборнике «Чужое небо» мореплаватель становится философом.

Путешествия в ранней поэзии Гумилева – это мысленные странствия, скитания по другим странам и эпохам. Путешественники приезжают из дальних краев, свидетельствуя о пройденном пути с помощью привезенных ими вещей:

Мореплаватель Павзаний

С берегов далеких Нила

В Рим привез и шкуры ланей,

И египетские ткани,

И большого крокодила²⁵.

(«Император Каракалла»)

Тема вещи, артефакта как свидетельства о проделанном путешествии – одна из сквозных тем всей поэзии Гумилева. В стихах об Африке привезенные поэтом предметы становятся поводом вспомнить путешествие и пережить его вновь:

Я хожу туда трогать дикарские вещи,

Что когда-то я сам издалека привез,

Чуют запах их странный, родной и зловещий,

Запах ладана, шерсти звериной и роз.

И я вижу, как знойное солнце пылает,

Леопард, изогнувшись, ползет на врага,

И как в хижине дымной меня поджидает

Для веселой охоты мой старый слуга²⁶.

(«Абиссиния»)

В воспоминании о путешествии также упоминаются в первую очередь вещи, артефакты:

Но проходили месяцы; обратно

Я плыл и увозил клыки слонов,

Картины абиссинских мастеров,

Меха пантер – мне нравились их пятна...²⁷

(«Пятистопные ямбы»)

ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2015. – С. 33.

²⁴ Панкратова О.В. Эволюция образов-символов в поэтическом наследии Н.С.Гумилева // Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1997. – С. 11-13.

²⁵ Гумилев Н.С. Забытая книга. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 69.

²⁶ Там же. – С. 298.

²⁷ Там же. – С. 303.

Предмет из «другого мира» становится не только знаком совершенного путешествия, но и визитной карточкой самого путешественника в его странствиях:

Я бельгийский ему подарил пистолет

И портрет моего государя²⁸.

(«Галла»)

Интерес к конкретному предмету, вещи, объекту – отличительная черта акмеизма как направления. Сергей Городецкий в статье «Некоторые течения в современной русской поэзии» (1913) пишет: «Символизм, в конце концов, заполнив мир «соответствиями», обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самооценку. У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще. Звезда Маир, если она есть, прекрасна на своем месте, а не как невесомая точка опоры невесомой мечты. Тройка удала и хороша своими бубенцами, ямщиком и конями, а не притянутой под ее покров политикой. И не только роза, звезда Маир, тройка – хороши, т. е. не только хорошо все уже давно прекрасное, но и уродство может быть прекрасно. После всех «неприятный» мир бесповоротно принят акмеизмом, во всей совокупности красот и безобразий»²⁹.

Осип Мандельштам в программной статье «Утро акмеизма» говорит о том же самом – вещь перестала быть символом, она стала тождественна сама себе: «А = А: какая прекрасная поэтическая тема. Символизм томился, скучал законом тождества, акмеизм делает его своим лозунгом и предлагает его вместо сомнительного а realibusadrealiora. Способность удивляться – главная добродетель поэта. Но как же не удивиться тогда плодотворнейшему из законов – закону тождества? Кто проникся благоговейным удивлением перед этим законом – тот несомненный поэт. Таким образом, признав суверенитет закона тождества, поэзия получает в пожизненное ленное обладание все сущее без условий и ограничений»³⁰.

Тенденция к осмыслению конкретной вещи, предмета как знака совершившегося события развивалась в лирике Гумилева постепенно, в раннем творчестве упоминаются скорее символические, абстрактные категории, чем реальные³¹.

²⁸ Там же. – С. 299.

²⁹ Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Электронный ресурс: <https://gumilev.ru/acmeism/5/>

³⁰ Мандельштам О.Э. Утро акмеизма // Электронный ресурс: <https://gumilev.ru/acmeism/4/>

³¹ Меркель Е.В. Миромоделирующие образы и мотивы в поэтике

Не менее важно в акмеизме и слово как инструмент поэта. В описании путешествий Н. С. Гумилев часто упоминает и след путешественника в виде слова. Чаще всего упоминается тот факт, что именем путешественника что-то названо в стране, в которой он побывал:

Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река...³²
(«У камина»)

Этот же мотив упоминается во вступлении к сборнику «Шатер»:

Дай назвать моим именем черную,
До сих пор неоткрытую реку...³³
(«Вступление»)

«Именование, согласно акмеистической эстетике, означало постижение сущности вещей (срывание с них покровов тайны). Здесь мы видим явный посыл к преодолению символистской эстетики, для которой наоборот тайные смыслы, эзотеричность и неявленность интерпретаций были одним из важнейших художественных постулатов. ... Цель художника-акмеиста – обнажить смысловую парадигму, потенциально заложенную в слове, что достигается путем семантических (контекстуальных) сцеплений и интертекстуальных ассоциаций»³⁴. Л. Г. Кихней отмечает важность слова для акмеистов и то, какое значение они придавали акту наименования: «Акмеисты первыми из русских поэтов поняли неисчерпаемые семантические возможности контекста. В этом заключается одно из их открытий, позволивших «вливать в русскую поэзию новую кровь». Они своей художественной практикой доказали, что слово имеет неиспользованные запасы семантической энергии, которая остается нереализованной в стандартном узусе, но заново генерируется в новом контекстуальном окружении, что приводит к огромной смысловой насыщенности слова, делает его по своему функциональному значению равным символу, либо приводит к рождению вообще нового смыслового образа»³⁵.

Путешествие должно запечатлеть себя в слове, от него должен остаться зримый след – имя на карте, привезенные экзотические вещи, – или

стихотворения. Е. Ю. Раскина отмечает важность путешествия как названия: «для творчества Гумилева характерно сближение образов поэта, дающего вещам имена, и географа, путешественника, открывающего и познающего далекие земли. Как следствие, путешествие сродни познанию, открытию, названию, одухотворению и окультуриванию земного пространства»³⁶.

Гумилев чувствует себя первооткрывателем – особенно в стихах, посвященных Африке, он стремится в слове запечатлеть образ того или иного африканского государства, дать тем, кто никогда не бывал в этой стране, целостное представление о ней. Так, Судан предстает в стихах гигантским ребенком:

Люди молятся. Тихо в Судане,
И над ним, над огромным ребенком,
Верю, верю, склоняется Бог³⁷.
(«Судан»)

Очертания Абиссинии на карте напоминают поэту спящую львицу:

Между берегом буйного Красного моря
И суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырех плоскогорий,
С отдыхающей львицею схожа, страна³⁸.
(«Абиссиния»)

Иными словами, каждая страна в представлении Гумилева – это некий целостный образ, который в дальнейшем необходимо раскрыть, насытить экзотическими деталями, не известными тому, кто никогда не был в Африке. «Экзотизм Гумилева – это не бегство усталого и мечтательного декадента от европейской цивилизации, а стремление освоить новые для русской поэзии пространства. Так, благодаря «Шатру» в пространство русской поэзии вошла Абиссиния-Эфиопия – одна из самых таинственных и насыщенных культурными реалиями стран загадочного «черного континента», земля «черных христиан». Поэтому мы можем говорить о гумилевском «активном экзотизме» как о совершенно особом феномене, восходящем к геософским аспектам творчества поэта»³⁹.

Лирический герой поэта – активный путешественник, первооткрыватель, пассионарий. Е. Сорокина пишет: «Николай Степанович предугадал появление пассионарности, разработанной

акмеизма: Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам. – М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2015. – С. 66.

³² Гумилев Н.С. Забытая книга. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 158.

³³ Там же. – С. 284.

³⁴ Меркель Е.В. Миромоделирующие образы и мотивы в поэтике акмеизма: Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам. – М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2015. – С. 113.

³⁵ Кихней Л.Г. Акмеизм. Миропонимание и поэтика. – М.: Макс пресс, 2001. – С. 74.

³⁶ Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева. – Автореферат дисс. ... д.ф.н. – М., 2008. – С. 7.

³⁷ Гумилев Н.С. Забытая книга. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 296.

³⁸ Там же.

³⁹ Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева. – Автореферат дисс. ... д.ф.н. – М., 2008. – С. 9.

впоследствии как теория в работах известного историка – Л. Н. Гумилёва, поскольку в своем творчестве поэт прославлял тех, кто бесстрашно смотрел смерти в лицо. Это и «конквистадоры в панцире железном», и путешественники «умиравшие от жажды в пустыне», и «открыватели новых земель». У героев Гумилёва чувство риска, пассионарности во имя идеи постоянно преобладало над инстинктом самосохранения»⁴⁰. Следует отметить, что Гумилев-отец не «предугадал», а явился прямым вдохновителем и источником образа пассионария в научной концепции Гумилева-сына. Слова Л.Н. Гумилева «Деяния, продиктованные пассионарностью, легко отличимы от обыденных поступков, совершаемых вследствие наличия общечеловеческого инстинкта самосохранения, личного и видового. Не менее отличаются они от реактивных акций, вызываемых внешними раздражителями, например, вторжением иноплеменников. Реакции, как правило, кратковременны и потому безрезультатны. Для пассионариев же характерно посвящение себя той или иной цели, преследуемой иной раз на протяжении всей жизни»⁴¹, – в полной мере применимы ко всем действиям Н.С. Гумилева: экспедициям в Африку, добровольному уходу на войну, реакции на социальные изменения в России и пр. И ярчайшим способом проявления пассионарности стало именно путешествие – как реальное, так и воображаемое.

Стихотворения, в которых использован мотив путешествия, целесообразно разделить на две больших группы, которые условно можно назвать «новеллами» и «образами». В стихах первого типа поэт представляет какой-либо сюжет из экзотической страны, наполненный деталями и подробностями быта ее жителей.

Второй тип представлен попыткой открыть для читателя неведомый ему образ, «назвать», «овеществить» определенную точку на карте. Стихотворения-«новеллы» чаще встречаются в раннем творчестве Гумилева, переход к стихотворениям-«образами» начинается в сборнике «Жемчуга» и продолжается вплоть до «Шатра» и «Огненного столпа». Для понимания различия между этими типами раскрытия комплекса мотивов путешествия уместна кинематографическая метафора: в ранних стихотворениях

представлен «короткометражный фильм», а в более поздних – «стоп-кадр», подразумевающий фиксацию на моментальном образе и детальное его описание во всех подробностях.

Так, третью часть раннего стихотворения «Озеро Чад» составляет история африканской женщины, увлекшейся европейцем, и брошенной им:

Я была жена могучего вождя,
Дочь любимая властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала тайны древнего обряда⁴².

(«Озеро Чад»)

Такие же «новеллы» представлены в цикле «Абиссинские песни»: используя ролевые маски, автор рассказывает истории от имени персонажей-африканцев. Как отмечает А.А. Кулагина, «для акмеистической поэзии также характерна своеобразная театрализация, которая проявляется в том, что авторское «я» либо реализовывалось в сознательном стремлении к самовыражению в авторской маске»⁴³.

В ранних стихотворениях, посвященных теме путешествия, Гумилев также прибегает к использованию авторской маски:

Нас было пять... мы были капитаны,
Водители безумных кораблей,
И мы переплывали океаны,
Позор для Бога, ужас для людей.

Далекie загадочные страны
Нас не пленяли чарою своей,
Нам нравились зияющие раны,
И зарева, и жалкий треск снастей⁴⁴.

Если же речь идет не о «новелле», а о «стоп-кадре», то в большинстве случаев поэт использует одинаковую композицию этого кадра для одного географического направления (в дальнейшем этот феномен продемонстрирован на примере ряда «итальянских» стихотворений, в которых Н. С. Гумилев как бы «ставит» точку на карте: стихотворение названо по имени определенного города/местности/достопримечательности, и задача произведения – создать некий образ, отразить впечатление поэта от того или иного топоса, который он мог и не посещать).

Прежде чем перейти к анализу «географически» сгруппированных стихотворений, необходимо провести анализ проявления семан-

⁴⁰ Сорокина Е. Пассионарии и пассионарность в творчестве Н.С. Гумилева // Электронный ресурс <https://gumilev.ru/about/165/>

⁴¹ Гумилев Л.Н. Этногенези биосфера Земли // Электронный ресурс <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe06.htm#ebe06chapter22>

⁴² Гумилев Н.С. Забытая книга. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 80.

⁴³ Кулагина А.А. Жизнетворческая концепция и принципы создания образа в лирике и драматургии Н.С. Гумилева. – Дисс. ... к.ф.н. – М., 2012. – С. 48.

⁴⁴ Гумилев Н.С. Нас было пять... мы были капитаны // Электронный ресурс <https://gumilev.ru/verses/260/>

тического комплекса путешествия в ряде стихотворений Гумилева, которые не основаны на впечатлениях от конкретного географического объекта, а скорее воплощают архетип путешествия как таковой.

Прежде всего, представляет интерес проявления семантического комплекса путешествия в программном стихотворении Н. С. Гумилева «Блудный сын», написанном разбор которого и стал «яблоком раздора» между символистами и акмеистами. Разгромная оценка этого произведения стала причиной отмежевания акмеистов от посетителей «сред» Вяч. Иванова⁴⁵. Более того, «Блудный сын», написанный в 1911 году, предшествовал формированию циклов стихотворений, объединенных «географической» темой, и развитию семантического комплекса литературного путешествия на материале реального путешествия.

Сюжет притчи о блудном сыне – это сюжет путешествия-возвращения домой. При этом Гумилев отступает от библейской притчи, вводя тему некой миссии блудного сына: сын просит отправить его с тем, чтобы приумножить богатство отца:

Позволь, да твое приумножу богатство,
Ты плачешь над грешным, а я негодую,
Мечом укреплю я свободу и братство,
Свирепых огнем научу поцелую⁴⁶.

Во второй части также упомянуто, что блудный сын послан с тем, чтобы «исправить пороки»:

Вы помните верно отцовское слово,
Я послан сюда был исправить пороки...⁴⁷

В библейском тексте мотивация ухода блудного сына с некой миссией отсутствует – это полностью является инициативой сына. Более того, в каноническом тексте притчи он даже не путешествует – речь идет о выделении доли имущества, затем, после того, как имущество было истрачено на развлечения, – о возвращении⁴⁸. Блудный сын Гумилева, с одной стороны, сам просит отпустить его, с другой стороны – имеет некую цель поездки, которая, впрочем, не реализуется.

Отец в притче является символом Бога, блудный сын – символом раскаявшегося грешника. В изложении Гумилева можно предположить, что отец – священник, так как сын, обращаясь к нему, говорит:

⁴⁵ Кихней Л.Г. Акмеизм. Миропонимание и поэтика. – М.: Макс пресс, 2001. – С. 12.

⁴⁶ Гумилев Н.С. Блудный сын // Электронный ресурс <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=5729>

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Притча о блудном сыне // Евангелие от Луки, 15: 11 – 32 // Электронный ресурс <http://www.pravoslavie.ru/59890.html>

Нет дома подобного этому дому!

В нем книги и ладан, цветы и молитвы!
Но, видишь, отец, я томлюсь по иному,
Пусть в мире есть слезы, но в мире есть битвы.
На то ли, отец, я родился и вырос,
Красивый, могучий и полный здоровья,
Чтоб счастье побед заменил мне твой клирос
И гул изумленной толпы – славословья⁴⁹.

В доме отца – «ладан и молитвы», у него есть «твой клирос», а сын, желая вырваться из этого дома, говорит «и я буду князем во имя господне», – Гумилев старается натолкнуть читателя на мысль, что отец из притчи – не просто символ Бога, это и есть Бог.

Однако тогда получается, что блудный сын – это сын Божий, то есть Иисус. Этой трактовке есть два подтверждения: прежде всего, в тексте Гумилева нет упоминания о старшем брате, образ которого является ключевым в евангельской притче. У блудного сына есть сестра, а также, возможно, предназначенная ему невеста:

Там празднество: звонко грохочет посуда,
Дымятся тельцы и румянится тесто,
Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста⁵⁰.

Образ обиженного несправедливостью старшего брата убран, вместо него оставлена сюжетная канва взаимоотношений сына и отца: сын просит отца отправить его с некой миссией, чтобы стать «князем во имя господне» – не сумев реализовать эту миссию, сын оказывается рабом – сын возвращается к отцу и попадает на праздник, устроенный (возможно!) в его честь – стихотворение обрывается перед счастливым финалом, сын пребывает в сомнениях, в его ли честь намечается празднество и ему ли предназначена девушка-невеста. Термины «сестра Христова» и «Христова невеста» часто применяются для обозначения монахинь, либо – в раннем христианстве – женщин, посвятивших себя служению Христу, и, более широко, для обозначения души праведника⁵¹.

Образ Христа-путешественника, призывающего за собой людей, появляется в стихотворении 1910 года «Христос»:

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

⁴⁹ Гумилев Н.С. Блудный сын // Электронный ресурс <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=5729>

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Минеева Ю. Термин «Христова невеста» не имел отношения к женщинам // <https://www.infox.ru/news/10/science/universe/33558-termin-hristova-nevesta-ne-imel-otnosheniya-k-zhenshinam>

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода»⁵².

В словах Христа из этого стихотворения упоминаются ключевые для притчи о блудном сыне понятия – дом, сын, отец:

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца»⁵³.

Если блудный сын из одноименного стихотворения – это Иисус, тогда, очевидно, Гумилевым излагается некая альтернативная версия библейских событий: посланный «исправить пороки» герой в итоге пирует и веселится, а затем – становится рабом и кормит мулов.

О. Верник видит в «Блудном сыне» историю взаимоотношений Гумилева и Вячеслава Иванова⁵⁴, как минимум во второй части, где описывается веселый пир – по мнению исследователя, это прямой намек на «башню» Иванова. По свидетельству Ахматовой, Иванов обрушился с критикой и даже бранью на «Блудного сына», так как был возмущен вольным прочтением библейского сюжета⁵⁵.

Вектор движения блудного сына у Гумилева предполагает, что сначала он едет из дома отца в «веселую столицу», воплощая тем самым архетип путешествия «из дома», а затем скитается – в последней части упоминается, что он «блуждал» «долгие годы».

Для описания притчевого сюжета Гумилев находит интересное решение: поэма состоит из четырех картин-монологов, во всех случаях изложенных от первого лица. Смысловые связи между ними не простроены, читатель видит только четыре состояния главного героя: любимый сын – пирующий в столице – раб – скиталец.

Каждый раз монолог завершается обращением к какому-либо персонажу стихотворения: первая и третья часть завершается обращением к отцу, вторая – к другу Цинне, последняя – обращением к самому себе. Автор завершает текст вопросом: блудный сын сам не уверен, что праздник у отца проводится именно в его честь, однако догадывается и предполагает, что это так.

⁵² Гумилев Н.С. Христос // Электронный ресурс <https://gumilev.ru/verses/302/>

⁵³ Там же.

⁵⁴ Верник О. «Мой опыт мне дорого стоит»: Н. Гумилев и Вяч. Иванов // Электронный ресурс <https://gumilev.ru/about/196/>

⁵⁵ Анна Ахматова Автобиографическая проза // Лит. обозрение. – 1989. – № 5. – С. 11.

Сюжет путешествия в силу композиции стихотворения также вынесен за скобки: Гумилев не описывает собственно перемещение блудного сына из дома в столицу, из столицы в услужение хозяину, от хозяина к родному дому. Читатель может только догадываться, сколько времени прошло между этими фрагментами и почему счастливый человек, пирующий среди друзей, вдруг оказался слугой, ухаживающим за скотом. В евангельской притче герой прокутил все выделенное ему состояние, однако в сюжете Гумилева деньги вовсе не упоминаются: юноша жаждет уехать в столицу, чувствуя, что ему тесно и душно в доме отца, что он мечтает о чем-то большем. Вторая часть демонстрирует, что вместо реализации своих великих планов он пирует и смотрит на танцовщиц, что закономерно приводит его к провалу задуманной миссии:

Но в мире, которым владеет превратность,
Постигнув философов римских науку,
Я вижу один лишь порок – неопрятность,
Одну добродетель – изящную скуку»⁵⁶.

Имена друзей – Цинна, Петроний, использованные фразы на латинском языке, упоминание галер «в пламенном Тибре» подразумевают, что «веселой столицей» является Рим. Можно предположить, что Н. С. Гумилев представил не только свое прочтение евангельской притчи о блудном сыне, но и показал некий альтернативный вариант развития истории Иисуса: отправившегося в Рим и не сумевшего справиться с пороками жителей этого города. Когда главный герой возвращается в дом, видя издалека сад своего отца, он вспоминает о своем ручном звере – лисице:

Я помню... мне было три года... по саду
Я взапуски бегал с лисицей моею»⁵⁷

Образ лисицы используется Иисусом Христом в связи с понятием дома. В Евангелии от Матфея Он говорит фразу: «лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»⁵⁸, и эта фраза произносится в ситуации, когда после исцеления больных и бесноватых ученики принимают решение следовать за Иисусом. В тексте стихотворения Гумилева показано, какую важность герой придает лисице:

Но целое море печали не смоем
Из памяти этого первого зверя»⁵⁹.

⁵⁶ Гумилев Н.С. Блудный сын // Электронный ресурс <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=5729>

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Евангелие от Матфея, 26, 8: 14 – 23 // Электронный ресурс <http://www.pravoslavie.ru/3402.html>

⁵⁹ Гумилев Н.С. Блудный сын // Электронный ресурс <http://>

Не сумев «исправить пороки», герой оказывается в услужении у некоего хозяина, и представляет себе сад отца, образ которого противопоставлен тяжелой жизни работника. В данном случае, Гумилев обращается к символу райского сада, который является антитезой тяжелой и трудной земной жизни, и возвращение блудного сына в дом отца может быть истолковано и как возвращение в райский сад после попытки земной жизни, оказавшейся неудачной. Все это позволяет прочитывать стихотворение «Блудный сын» в двух измерениях: и как переложение библейской притчи, рассказанной Иисусом, и как предположительный вариант развития жизни самого Сына Божьего, своего рода апокриф.

С точки зрения семантического комплекса путешествия «Блудный сын» является обращением к образу путешествия – возвращения домой. Гумилев создал это произведение после возвращения из Абиссинии: впечатления путешествия – возвращения домой также стали поводом к обращению к образу блудного сына. Это прибавляет еще одно – личностное – измерение – к прочтению стихотворения. О. Верник трактует «Блудного сына» как историю возвращения Гумилева к Вяч. Иванову после долгого отсутствия в Абиссинии и одновременно как призыв к Иванову оставить ложные идеи и обратиться к настоящей поэзии⁶⁰.

Репликой к «Блудному сыну» отчасти является стихотворение «Снова море», в котором представлено путешествие не «домой», но «из дома». Лирический герой, как и блудный сын, стремится «из дома», но предчувствует благоприятный исход этой поездки:

Вот и я выхожу из дома
Повстречаться с иной судьбой,
Целый мир, чужой и знакомый,
Породниться готов со мной:
...
Никогда не вернусь обратно,
Усмирю усталую плоть,
Если лето благоприятно,
Если любит меня Господь⁶¹.

Герой пускается в путь, услышав «песни Улисса» и предполагает, что путешествует, усмиряя плоть: вектор движения «от дома» в данном случае мыс-

лится позитивно, и в случае благоприятного исхода путешествия он не вернется обратно: автор словно обращается снова к сюжету о блудном сыне, отвечая на образ «неудачного путешествия» путешествием «удачным». Косвенным свидетельством взаимодействия «Снова море» с «Блудным сыном» является письмо Н. С. Гумилева А. А. Ахматовой от 9 апреля 1913, в котором и приводится данное стихотворение: выше Гумилев пишет, что «уже нет прежних кошмаров; снился раз Вячеслав Иванов, желавший мне сделать какую-то гадость, но и во сне я счастливо вывернулся»⁶². Гумилев снова отправляется в Африку, это начало его самого масштабного путешествия, итогом которого стали не только многие «африканские» стихотворения, но и обширная коллекция предметов туземного быта и фотографий.

В «Снова море» возникает важный образ голоса, зовущего путешественника, причем лирический герой стихотворения удивлен тем, что этот голос не слышен остальным. Голос, позвавший в путь, возникает и в стихотворении «Паломник» 1911 года:

«Я этой ночью слышал зов Аллаха,
Аллах сказал мне: – Встань, Ахмет-Оглы,
Забудь про все, иди, не зная страха,
Иди, провозглашая мне хвалы;
Где рыжий вихрь вздымает горы праха,
Где носятся хохлатые орлы,
Где лошадь ржет над трупом бедуина,
Туда иди: там Мекка, там Медина»⁶³

Таким образом, Н. С. Гумилев обращается в своей поэзии и к путешествию-паломничеству. В стихотворении «Паломник» подчеркивается недостижимость цели пути главного героя:

Он очень стар, Ахмет, а путь суров,
Пронзительны полночные туманы,
Он скоро упадет без сил и слов,
Закутавшись, дрожа, в халат свой рваный⁶⁴.

У старика-паломника есть возможность увидеть Мекку только после смерти: в стихотворении автор предсказывает его судьбу и сообщает, что, хотя формально Ахмет-Оглы и не дошел до Мекки, но Аллах примет его после смерти и он все же достигнет цели своего путешествия.

Путешествие паломника описывается как полное тягот, при этом ему все время кажется, что оно вот-вот закончится:

www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=5729

⁶⁰ Верник О. «Мой опыт мне дорого стоит»: Н. Гумилев и Вяч. Иванов // Электронный ресурс <https://gumilev.ru/about/196/>

⁶¹ Гумилев Н.С. Снова море // Электронный ресурс <https://gumilev.ru/verses/513/>

⁶² Гумилев Н.С. Письмо А.А. Ахматовой 9 апреля 1913 года, Одесса // Электронный ресурс <https://gumilev.ru/letters/8/>

⁶³ Гумилев Н.С. Паломник // Электронный ресурс <https://gumilev.ru/verses/7/>

⁶⁴ Там же.

И каждый вечер кажется, что вскоре
Окончится терновник и волчцы,
Как в золотом Багдаде, как в Бассоре
Поднимутся узорные дворцы...⁶⁵

Совершение путешествия-паломничества Ахметом вдохновлено обратившимся к нему Аллахом. Паломника высмеивают, первая половина стихотворения представляет собой диалог-антитезу: старик Ахмет-оглы противопоставлен юному и прекрасному пророку Мухаммеду. Тем не менее, он принимает решение идти в путь, и

⁶⁵ Там же.

Гумилев подчеркивает, что ни звери, ни разбойники не трогают паломника:

Но ни шайтан, ни вор, ни зверь лесной
Смиренного не тронут пилигрима⁶⁶.

Голос, позвавший в путь Ахмета-Оглы, оказывается голосом Аллаха, и поэтому путешествие пилигрима охраняется и никто его не трогает. Голос, позвавший героя «Снова море», хотя и назван голосом Улисса, также связан с образом божества: Улисс в стихотворении призывает «к игре с трезубцем Нептуна».

⁶⁶ Там же.